

Доктор Роберт А. Петерсон, Христология, Сессия 6, Современная христология, Часть 1, Кант, Шлейермахер и Ritschl

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 6, Современная христология, Часть 1, Кант, Шлейермахер и Ритчль.

Мы продолжаем наши лекции по современной христологии, предоставляя больше справочной информации о современной христологии.

Либеральный протестантизм. XIX век в Европе принадлежал протестантскому либерализму. В Северной Америке, но особенно в Соединенных Штатах, либеральная эра началась только в середине века и закончилась позже, чем в Европе.

Там его упадок был отмечен как началом Первой мировой войны, так и ростом известности Карла Барта. В Северной Америке либерализм процветал в 1930-х годах, когда он стал жертвой как Депрессии, так и наплыва неоортодоксальных идей из Европы. С римско-католической стороны христология не была вопросом, по которому были разногласия, или, если на то пошло, много творческих мыслей.

Триденский собор 1545-1563 годов, призванный дать отпор теологии Реформации, не высказал никаких заявлений по поводу христологии. Это не было предметом спора. В последовавший период Контрреформации католические теологи просто повторяли и совершенствовали предыдущие школы мысли.

Единственным исключением из этого было извержение католического модернизма 1890-1910 гг. Модернисты, хотя и всегда настаивали на том, что между ними и либеральными протестантами существуют большие различия, на самом деле воспроизвели многие идеи, текущие в либерализме. Движение было подавлено, но после соответствующего периода некоторые из тех же идей были приняты Вторым Ватиканским собором 1962-1965 гг. и стали частью католической ортодоксии.

XIX век, конечно, также относился к эпохе мыслителей Просвещения. Это был важный фактор формирования христологии как в протестантском либерализме,

так и в католическом модернизме. Оба течения носили апологетический характер.

Оба были вызваны страхом, что современность обходит христианство стороной. Сторонники этих движений возражали, что не суть христианской веры устарела, а ее доктринальная оболочка. Поэтому Шлейермахер искал согласия с ее культурными презирающими, его термин, не в общем доктринальном согласии, а в общем внутреннем ядре сознания, которое можно было бы идентифицировать как религию и с которым можно было бы образовать амальгаму христианских элементов.

Однако это сознание было сформировано культурой, в которой оно было сформировано, и поэтому тот тип веры, о котором говорил Шлейермахер, по сути, подчеркивал преемственность между Христом и культурой. Помните самое первое введение в эту серию лекций. Мы должны различать христологии сверху, которые начинаются с Вечного Сына, который становится человеком, и христологии снизу, которые начинаются с человека, Иисуса, и никогда не могут достичь вершины.

Или, другими словами, христологии, которые подчеркивают разрыв между Богом и сотворенным порядком, Бог приходит в творение во Христе, в Воплощении, или христологии, которые подчеркивают преемственность между Богом и сотворенным порядком, Иисус - всего лишь человек, хотя и лучший цветок человечества. Аналогично, Джордж Тирелл, пророк английского католического модернизма, говорил об их стратегии как о необходимости создания синтеза между верой и современностью, в котором то, что было существенно для обоих, было бы сохранено. Поэтому, чтобы понять синтез, нам нужно иметь в виду основы современности, с которой вера связывала себя.

Было по крайней мере три широких импульса, которые были центральными для формирования сознания 19-го века, которые были завещаны ему Просвещением. Это были, во-первых, антиавторитарный уклон; во-вторых, возникновение человеческой автономии; и, в-третьих, фокус на внутреннем сознании. Во-первых, антиавторитарное настроение, конечно, принимало множество форм.

Но антиклерикализм и недоверие к Библии были среди наиболее важных. И Библия, и Церковь рассматривались как часть старого порядка, устранение которого было необходимо для появления нового. Это вызвало насмешки над христианской верой со стороны интеллигенции, такой как Томас Пейн, а в Европе это также привело к насилию против Церкви.

Вместо Церкви как источника смысла был заменен эмпирический мир. Это также принимало множество форм, некоторые, как Гегель, книги к истории,

другие, как Фрейд к человеческой природе, и третьи, как Дарвин к естественному миру. Суть в том. Однако, что смысл и ценности искались иными способами, чем те, которые преобладали в средневековой и реформационной Европе.

Их искали в сферах, отличных от традиционных религиозных. Двумя сопутствующими этому развитию были возникновение человеческой автономии. Интерпретация жизни в мире теперь искалась не из Церкви или из Библии, а с точки зрения не имеющего помощи человека-интерпретатора.

В конце концов, именно интерпретатор, по Декарту, может найти единственное истинное значение, которое несомненно в мире. Он утверждал, что можно сомневаться и подвергать сомнению все остальное. Но когда этот процесс сомнения исчерпал себя, одна вещь осталась невредимой, и это было человеческое сознание.

Именно тогда в человеческом сознании искали точку интеграции, из которой следовало бы понимание всех разнообразных элементов опыта. Поэтому переход от внешнего авторитета, такого как Библия и Церковь, к авторитету толкователя перешел в тщательно продуманное обсуждение внутреннего сознания. Святость и неприкосновенность этого сознания были, однако, серьезно подорваны с двух совершенно разных направлений.

В конце 18 века Кант разрушил доверие к разуму, которое поддерживали рационалисты, а в 19 веке Фрейд пошатнул доверие к невинности и простоте сознания. Аргумент Канта, конечно, состоял в том, что разум может функционировать только в сочетании с потоком чувственного восприятия. Это означает, что мы не можем знать больше, чем могут предоставить нам наши чувства, и то, что мы знаем, не следует напрямую приравнять к тому, что существует, поскольку разум категоризирует и организует информацию, полученную от чувств.

Разум вставлен между воспринимаемым объектом и тем, что воспринимается человеком. Это экранирующее устройство, и причина в том, что его функция — организовывать чувственное восприятие. Последствия философии Канта были огромны, но наиболее важными для теологии были те, которые вытекали из его эмпиризма.

Ничто не может быть познано, кроме того, что достигает нас через наши чувства или что сконструировано как смысл и навязано миру нашим разумом, примером последнего являются причина и следствие, посредством которых мы осмысливаем то, что происходит в мире, но что не становится известным нам из мира эмпирически. Чувства не могут знать отношения вещей друг к другу, только их эмпирические качества, такие как размер, форма, текстура и

положение. Однако в продолжении Канта то, что я только что обсудил, было его критикой чистого разума; теперь, в своей *«Критике практического разума»*, он хочет сохранить христианскую этику в какой-то форме.

Может быть, он увидел, что бы получилось, если бы он полностью разрушил основу понимания мира, что он и сделал. Он не хотел, чтобы не было веры ни во что. Однако в дальнейшем у Канта то, что было изъято из религии, с одной стороны, теперь было вновь введено, с другой.

Учитывая его критику разума, могло показаться, что разговор о Боге был совершенно невозможен. На старой основе Кант утверждал, что это так, но затем он продолжил утверждать наличие морального сознания, которое само по себе ненадежно и необъяснимо, что приводит нас к постулату, что есть Бог, который является объяснением этого сознания. Вывод Канта был неловко двусмысленным, но основополагающим для современного периода.

Если мы не постулируем существование Бога, мы не сможем объяснить тот факт, что мы являемся моральными существами, но, объясняя себя, мы не можем использовать знание Бога, поскольку Бог поместил себя за пределами разума. Он находится в ноуменальном царстве, к которому у нас нет доступа. У нас есть только доступ к феноменальному царству, и мы накладываем на него свой собственный отпечаток, потому что мы не знаем вещи такими, какие они есть сами по себе.

Мы знаем их, поскольку воспринимаем их нашими чувствами. Мы автоматически искажаем их. Итак, результатом является скептицизм, особенно в том, что касается божественного знания.

Знаете что? Павел как бы соглашается с ним. Не видел того глаз и не слышало ухо того, что Бог вложил в сердце человека, что приготовил Бог любящим Его. 1 Коринфянам 2, а нам Бог открыл это Духом Своим.

Мы не можем знать Бога напрямую, но Библия утверждает, что Бог явил себя, и Библия является откровением от Бога. Простатический либерализм в значительной степени процветал в период между Кантом и Фрейдом, что, несомненно, немного облегчило его задачу, поскольку Фрейд, по сути, разрушил наивность, с которой Кант говорил об этом моральном сознании. Мораль, утверждал Фрейд, — это просто искусственный барьер, который общество формирует в своих членах, чтобы защитить себя от темных подземных сил, которые таятся под поверхностью сознания.

Нравственное чувство — это всего лишь трюк нашей природы и общества. Эти течения, конечно, перетекли в 20-й век. Кантовская мысль, которая есть сама по себе, которая является основой практически всей современной эпистемологии,

легко поддавалась научным привычкам ума, в которых опыт рассматривается так, как если бы он состоял из атомов, как и материя.

Опыт был разбит на дискретные, изолированные единицы, которые нависают над субъектом, как атомы над атомами. Это предположение проходит через Рассела, большую часть Витгенштейна, и через А. Дж. Айера, и большую часть современной лингвистической философии. За этим быстро последовало сопоставимое растворение самости.

Он тоже рассматривается атомистически. Действительно, в этом процессе мыслители воспринимают его как изменяющийся способ, сопоставимым с тем, как движутся и изменяются атомы. Растворение «я», и особенно его значимости как созданного по образу Бога, сделало смысл труднодоступным.

В 20 веке мы увидели подъем сверхлюдей Ницше, диктаторов как левых, так и правых политических сил, которые верили, что могут навязать тоталитарное правление, потому что у людей нет внутренней ценности или смысла. Опыт и субъекты, переживающие опыт, были растворены, и их место заняли темные, безличные силы, возникающие из истории и неуклонно движущиеся к predetermined цели. Достаточно интересно, что наиболее энергичный протест, который был высказан против этой ситуации, а именно протест экзистенциализма, все еще признает точку зрения, что человеческая природа не имеет реальности.

Однако этот окончательный результат был далеко не ясен, когда либеральная теология вступила в частичный альянс с этим типом мышления. Движение, конечно, сосредоточилось на нескольких различных школах мысли. В Европе это были в основном шлейермахисты с одной стороны и сторонники Ритуала, подчеркивает Адольф Гарнак, с другой.

Различия между этими школами, утверждает Дэвид Уэллс, были преувеличены. Ричлианцы, трудно сказать, последователи Альбрехта Ричля и последователи Гарнака не пострадают чрезмерно, если Шлейермахера будут считать представителем либерального протестантизма. В Америке ведущими сторонниками были такие люди, как Вашингтон Глэдден и Вальтер Раушенбуш, которые принимали аксиомы либерализма, но часто связывали их с социальным активизмом.

Шлейермахера справедливо называют отцом современной теологии из-за метода, который он установил в теологии. Там, где Кант утверждал, что религиозные предсказания должны быть построены на моральном сознании, Шлейермахер заменил моральное сознание религиозным сознанием. Он утверждал, что во всех людях есть чувство абсолютной зависимости.

Именно это проясняет христианство, но его присутствие не исчерпывается христианскими общинами, и не только оно описывается христианской теологией. Для Шлейермахера, таким образом, раскрытие Бога в историческом Иисусе не было единственным доминирующим центром его теологии. Хотя Иисус должен сформировать и реформировать смысл веры, он не определяет его исключительно.

Именно это утверждение вызвало у Барта больше гнева, чем, возможно, любое другое. Для Шлейермахера истина есть во всех религиях. Больше всего истины в Иисусе; он — лучший представитель.

В нем моральное сознание было наиболее острым, но он начал снизу. И поэтому Иисус — просто человек, непрерывный с миром, а не разрыв между Богом и порядком творца. Эти различия, сверху вниз, разрыв и непрерывность, проходят через все.

И поэтому, будучи слишком простой, патристическая христология подчеркивала христологию сверху и прерывность. Современная теология подчеркивает христологию снизу и преемственность. Это слишком просто, но в этом много правды.

Есть всевозможные вариации и так далее и нюансы. Хотя Шлейермахер не был полностью ясен в отношении общих отношений своей теологии, кажется достаточно ясным, что его рабочие предположения были получены из романтизма. И во многих отношениях они привели его в соответствие с более ранней греческой теологией.

Он предполагал, что человеческая природа, вся человеческая природа, является естественнымместилищем божественного, что божественное вселяет и пропитывает человека морально, психологически и эпистемологически. В этом смысле человеческая природа сакраментальна в той же степени, в какой она указывает. Божественное есть самосообщающееся в человеческой природе и через нее.

Иисус, следовательно, был важен, потому что в непревзойденной степени он сосредоточился, идентифицировал, а затем подчинился божественному. Но был ли он Богочеловеком? Нет. В нем мы видим самое ясное изложение того, что есть божественное в жизни, хотя это не исключительное изложение.

Он обладал величайшим чувством сознания Бога, любого человека. И благодаря божественному мы также способны распознавать, какова наша собственная природа, поскольку она отражает Адамову чистоту. Конкретный христологический фокус в великой книге Шлейермахера «Христианская вера, систематическое богословие» поразительно краток.

Сравнительное безразличие Шлейермахера к вопросам, которые волновали более ранних мыслителей, заложило основу для шквала критики, которая обрушилась позже со стороны неоортодоксальных ученых во главе с Бартом, который, став профессором, преподавал Шлейермахеру каждый год, снова и снова. Он видел в этом врага, наряду с либерализмом Гарнака, которому его учили. На обоих фронтах он выступал против этих вещей и действительно, в некотором смысле, имел неоортодоксальность.

Равен реформаторам и пуританам? Нет. Но во многом гораздо лучше старого либерализма или романтизма Шлейермахера. Очевидно, Шлейермахер считал Иисуса совершенством и высшим образцом богосознания, чувства абсолютной зависимости, что является английским переводом его немецких слов.

Это то, что есть у каждого, и у Иисуса это есть в высшей степени, и христиане возвращают это с верой в него. То, что отличало Иисуса от других, было не его человечностью, а, цитата, постоянной силой его сознания Бога, которая была истинным существованием Бога в нем. Закрывать цитату.

Шлейермахер приравнивал «абсолютно мощное сознание Бога в кавычках к существованию Бога в нем». Это представляло то, что он понимал под воплощением. Воплощение Бога было его подавляющим самообщением внутри и через этого человека, Иисуса.

Шлейермахеру пришлось приложить немало усилий, чтобы отличить это от пантеизма. И его аргумент состоял в том, что Бог не приходит к такому выражению во всех вещах, а только в людях. И что он пришел к этому конечному выражению только в одном человеке, а именно в Иисусе.

Затем он изо всех сил пытался утверждать, что это сознание Бога во всех людях не может, по сути, фактически, быть названо существованием Бога, потому что оно всегда недостаточно сфокусировано и осознано. Только в Иисусе это сознание Бога было «существованием», и в этом смысле он был уникален. Удалось ли Шлейермахеру объединить просветительское представление об универсализированной религии с христианской концепцией уникальности Христа, весьма сомнительно.

Шлейермахер не одобрял человеческое, историческое, извините, он не одобрял исторические христологические утверждения, такие как две природы, божественная и человеческая, неразрывно соединенные в одном лице, являются одним Христом. Он утверждал, что имя Иисус Христос может быть использовано только для земного периода жизни и что оно не может быть распространено назад в вечность, как это стало, как он считал неуместным использовать одно и то же слово природа для описания как божественного, так

и человеческого, и что это было источником всей путаницы в прошлом. Отмена доктрины о двух природах была условием теологической ясности, и поскольку он был вне гармонии с традиционным пониманием Троицы, Шлейермахер не мог смотреть благосклонно на использование слова личность.

Он сделал это чувство абсолютной зависимости своей теологической нормой, своей нормирующей нормой, так что в его христианской теологии Троица, которая не является общим опытом человеческого сознания Бога, помещена в качестве приложения, как наш рай и ад, потому что они не проходят этот тест. Это удивительно. Я имею в виду, что здесь работает гений.

Нет никаких сомнений. Но снова гений, который отходит от истины. Шлейермахер также спорил с некоторыми сторонниками неипостасного союза.

То есть, человечность Иисуса находится в дефисном личном союзе со словом во чреве Марии, которая утверждала, что человеческая природа Христа, хотя и полная во всех отношениях, не достигла завершения вне личности. Нет никакого простого человека Иисуса. Что мы можем утверждать, заявил он, так это то, что в обычных людях есть только зародыш несовершенного и неясного сознания Бога.

Но с самого начала человеческого развития Христа была цитата из абсолютно могущественного сознания Бога. О, Боже. Закрывать цитату.

Таким образом, божественное влияние цитата пришла на человеческую природу и, в одно и то же время, это одно и то же время воплощение Бога в человеческом сознании и формирование человеческой природы в личность Христа. Закрывать цитату. Для того, чтобы произошло это развитие, не было необходимости в непорочном зачатии.

И новозаветные истории, связанные с этим, не следует считать доктринально значимыми. Он был сыном благочестивого лютеранского пастора. Поэтому у него часто возникает религиозный импульс, и это так.

И все же он служил презиравшим культуру. Они его читали, и его мысли становились темой кофеен и т. д. В то время как более традиционные вещи — нет.

Это считалось скучным. Это считалось исповедально скучным, жестким и тому подобным. Его мысль была стимулирующей, стимулирующей и творческой, и, к сожалению, неортодоксальной.

Как же тогда соотносились друг с другом природы в лице Христа? Шлейермахер утверждал, что божественное было активным, принимая в себя человеческое, а

человеческое было пассивным, позволяя божественному наполнять себя и направлять. Коммуникация *idiomatum*, однако, сообщение свойств должно быть изгнано из системы доктрины, сказал он. Поскольку сообщение божественных качеств человеческой природе или человеческих качеств божественной природе привело бы к загрязнению их существенных характеристик.

Вы увидите позже, я буду спорить, и для меня не ново, что сама Библия учит о сообщении свойств. То есть она говорит об одной личности Христа в одном предложении с названием, которое принадлежит его божественной природе, и действием, которое принадлежит его человеческой природе. Отцы это заметили.

Это весьма любопытное развитие. 1 Коринфянам 2. Князя мира сего не знали познания Божия. Они думали, что они знают, но они были глупцами; ибо если бы они познали познание Божие, явленное на кресте, и премудрость и силу Божию, явленную на кресте, то не распяли бы Господа славы.

Господь славы, или можно перевести как славный Господь, это божественный титул. Распятие не относится к божеству. Распятие относится к человечеству.

В послании к Евреям 2:14 говорится, что Сын принял плоть и кровь, чтобы через смерть победить дьявола и искупить свой народ. Есть одно предложение, которое говорит о воплощенном сыне как о Господе славы и приписывает ему смертность. Даже распятую смертность.

Это сообщение атрибутов. Это обмен человеческими качествами с человеком, наделенным божественным титулом. Это весьма любопытно.

Теперь Шлейермахер выступает против лютеранского понимания сообщения свойств, которое сильно отличается от реформированного понимания. Сам Лютер учил по евхаристическим причинам. Чтобы иметь реальное присутствие Христа в элементах и под элементами на вечере, Лютер учил, что в воскресении божественные атрибуты были переданы от божества Иисуса к его человечности, так что его человеческая природа могла быть вездесущей или вездесущей.

Кальвин очень уважал Лютера. Он называл его апостолом Реформации, и это было правильно. Я не знаю, хватило бы ли у кого-то еще смелости сделать то, что сделал Лютер.

Но он был неправ в этом вопросе, и Кальвин утверждал сообщение природ именно в том смысле, в котором я сказал. То есть это необычный библейский путь. У меня не было полдюжины мест, где вы это найдете.

1 Иоанна 1. Слово жизни — Божественный титул. Живое слово. Слово жизни.

И то, что сказано об апостолах, это то, что они видели, слышали, и руки их осязали слово жизни. Первое, что можно сказать, это то, что грек был бы смущен этим. Вы сумасшедший.

Вы не можете коснуться Бога, и действительно, вы не можете. Но тот, к кому они прикоснулись, Богочеловек, был Бог. Поэтому человеческие предикаты, быть восприимчивым к чувствам, быть видимым, слышимым и осязаемым, приписываются тому, кто назван божественным титулом, словом жизни.

Писание утверждает единство личности. Понимаете? Оно называет его Богом, но затем приписывает Богу человечество. Это весьма примечательно.

Отец это видел. Так или иначе, Шлейермахер отвергает именно это, лютеранское понимание, и я его не виню. Я должен сказать, что верующие в Библию лютеране — это такие же реформированные, реформаторские христиане, как и верующие в Библию кальвинисты.

И я хочу ценить наше общее конфессиональное наследие и тому подобное. Однако, в этом конкретном пункте я решительно придерживаюсь реформаторского взгляда на сообщение свойств, а не лютеранского взгляда. Сообщение свойств, однако, утверждал Шлейермахер, должно быть изгнано из системы доктрины, потому что сообщение божественных качеств человеческой природе или человеческих качеств божественной природе привело бы к загрязнению существенных характеристик.

Человеческое было бы иным, чем человеческое, а божественное было бы менее чем божественное. То, что Шлейермахер на самом деле представил, было не столько учением о воплощении, сколько о вдохновении. Это был взгляд на Иисуса как на наполненного Богом человека, начинающегося снизу.

Видите ли? Если вы начинаете абсолютно снизу, вы не сможете достичь ортодоксальности, потому что у вас есть человек, которого Бог каким-то образом обожествляет, вселяет в него, наделяет силой, совершенствует, как хотите. И в результате в самой современной теологии наших дней это обожествление Иисуса является тем, что либералы, протестанты и католики, представляют как судьбу всех людей. Несомненно, Шлейермахеру удалось обойти большинство проблем, присущих традиционным формулировкам.

Но какой ценой? Ему не нужно было решать проблему взаимоотношений между божественной и человеческой природой, между абсолютным и относительным. Ему не нужно было формулировать и взаимоотношение между

этими природ и единой личностью, в которой они были объединены. Иисус был просто человеком с мощным чувством Бога.

Однако непосредственные выгоды для христологии были серьезными потерями для христианской веры. Несмотря на всю свою борьбу, Шлейермахеру так и не удалось полностью выразить, в чем уникальность Иисуса. Сознание Бога обитало в нем самым могущественным образом.

И таким образом, отец современной теологии, каким бы гениальным он ни был, ввел в заблуждение многих других. Иисус не был уникальным вторжением божественного в человеческое, христологией сверху, сходящей вниз, действительно сходящей вниз, но только совершенством того, что уже присутствовало во всех людях. Непрерывность с творением, понимаете? Между Богом и сотворенным порядком.

Эти вещи являются определяющими для всей христологии. И уникальность христианской веры не была утрачена. Но было неясно, почему Иисус был действительно важен для веры.

Правда, Шлейермахер видел в нем прояснителя Бога, толкователя божественного *par excellence*, и в конце концов важна была идея, но в конце концов важна была идея, а не человек, в котором она нашла свое выражение. И эта идея и сознание, которым регистрируется ее присутствие, являются общим человеческим достоянием. Все люди обладают этим осознанием Бога.

Вот почему Шлейермахер обратился к своим культурным презирателям, и они нашли с этим отклик. Но еще раз, какой ценой? Теология Шлейермахера была, таким образом, достойным восхищения изложением общих предположений 19 века о человеческой жизни. Но она была глубоко оторвана от сути апостольского свидетельства.

Именно в этом отношении Шлейермахер был призван к ответу неоортодоксальными мыслителями, и это было справедливо. Другая очень важная фигура того времени, о нем я едва ли могу найти много в современных учебниках по христологии, что, я думаю, что-то говорит, это Альбрехт Ритчль. За исключением Шлейермахера, это будет очень кратко. Извините, но так оно и есть; никто не оказал большего влияния на современное богословие; это написано Луисом Беркхофом в 1930 году, ладно, чем Альбрехт Ритчль.

Вы видите орфографию в верхнем тексте. Его христология берет свою отправную точку в работе, а не в личности Христа. Там делается акцент, и он был преувеличен еще больше в более поздней теологии, что мы знаем Иисуса не каким-то греческим абстрактным образом, говоря о сущностях и натурах, личности и тому подобном, а скорее мы хотим функциональной христологии.

Вот что дает нам Новый Завет. Он не заботится о сущностях и греческой терминологии; он представляет Иисуса в движении, и таким образом, вы начинаете с дела, а не с личности. Я лучше оценю это, прежде чем забуду.

Верно, что Новый Завет представляет функциональную христологию. Я бы сказал, что Новый Завет также представляет функциональную тринитарность. Он не спекулирует абстрактно на бытии Бога и личностях и тому подобном, но за его функциональной христологией и функциональным тринитаризмом стоит онтологическая христология и онтологический тринитаризм.

Более того, Библия иногда, как мы увидим в Евреям 1, говорит о Сыне; он является точным представлением сущностной природы Бога. Греческое слово, *apostasis*. Используется иначе, чем в христологической переписи, но говорится, что это слово означает сущность, сущностную природу, само бытие.

Иисус — точное представление этого. Поэтому иногда он редко говорит об этом, о сущности, обычно о функции, но мы рассуждаем от функции к сущности. Мы не сводим свидетельство Нового Завета, будь то Троица или Христос, к простому функционализму.

Это значит подчеркивать функцию, принижая личность, и это большая ошибка. Дело Христа определяет достоинство его личности. Он был просто человеком.

Чувствую ли я христологию абсолютно снизу? Да, чувствую. Это старый либерализм. Он был просто человеком.

Старый либерализм долго атаковал фундаментализм, и я бы не стал защищать каждый аспект фундаментализма. Либералы победили в школах. Фундаменталисты ответили библейскими школами.

Они не были на одном уровне с образовательными учреждениями, которые захватили либералы. Я бы сказал, что сегодня евангелизм преуспел. Американская ассоциация теологических школ, возможно, имеет больше евангелических школ, чем либеральных, и многие из них академически хороши и способны.

Все еще есть либеральные школы, которые академически способны, но либерализм был занят нападением на фундаментализм, и в некотором смысле это было оправданно, но в других отношениях они отрицали основы веры, отсюда и название фундаментализма, и это включало непорочное зачатие, божественность и чудеса Иисуса, искупление кровью и его второе пришествие, и это отрицание самой христианской веры. Я бы не стал защищать каждое фундаменталистское объяснение этих вещей, но истины, которые они

выражали, какими бы лучшими или худшими они ни были, были библейскими истинами, и либерализм ошибся, отвергнув эти истины. Иисус был простым человеком для Альбрехта Ричля, но ввиду работы, которую он совершил, и служения, которое он оказал, мы справедливо приписываем ему предикат Божества.

Что это значит? Следующее предложение помогает нам понять, как объясняет Биркгоф, опять же это из «Систематической теологии» Луи Биркгофа, страница 310. Ритчль исключает предсуществование, воплощение, и нет никакой христологии свыше, никакой ортодоксии и непорочного зачатия Христа. Поскольку это не находит точки соприкосновения в верующем сознании христианской общины, Шлейермахер верующее сознание индивидов, ритуал более общинный в его эпистемологии.

Христос был основателем Царства Божьего, таким образом сделав цель Бога своей собственной, и теперь, в некотором роде, побуждает людей вступить в христианскую общину и жить жизнью, мотивированной исключительно любовью. Он искупает человека своим учением, примером и уникальным влиянием, и поэтому достоин называться Богом. Это фактически возобновление учения Павла Саббатского, раннего еретика, известного своим модализмом.

Обратите внимание, что Христос искупает своим учением, примером и уникальным влиянием. Есть ощущение, что все это правда, но более глубоко, что он искупает, умирая вместо грешников и воскресая на третий день, согласно писаниям. Старый либерализм — это действительно либерализм, и он не дотягивает, и я дам предварительный обзор наших следующих лекций о современной христологии.

Барт Брунер, которого мы действительно обсудим, может быть, немного, и Бультманн в первую очередь, во всяком случае, представляют собой сильный разрыв со старой либеральной традицией. Бультманн затем пошел в своем собственном экзистенциальном направлении, и он и Барт действительно сильно расходились, но они отвергли старый либеральный имманентизм и начали сверху с реальной инкарнации. Это было невероятно.

Это был большой сдвиг к трансцендентности, инаковости Бога, о которой говорил Барт. Мы поговорим больше не только о поисках исторического Иисуса, изначальном поиске, мы что-то сделали с этим, когда Швейцер их набросился, но и о редукционизме Бультмана в Новом Завете до пары страниц, которые могли бы вернуться к Иисусу, что привело к такой тщетности. Я помню, как разговаривал со студентом, евангельским студентом в Принстонской теологической семинарии, где в то время доминировали Бультманианцы .

Я сказал, позвольте мне задать вам вопрос. Вы ходили туда, чтобы подготовиться к служению? Да, сэр. Этот парень любил Господа.

Он был полон решимости бороться за правду в Объединенной пресвитерианской церкви, и ему нужно было быть рукоположенным. Он должен был пойти в Принстон или одну из одобренных семинарий, ясно? Не в Вестминстер или Ковенант или Реформатскую. Это не сработало в тот день. Я сказал, у меня есть вопрос к вам.

Что вы, возможно, проповедуете из остатков Нового Завета? Он сказал, что это хороший вопрос, и они на самом деле разработали курс, основанный на учении профессоров Нового Завета Бульзмана по этой самой теме. О, мое слово. Редукционизм колоссален, и поэтому ученики Бульзмана, он был гением.

Они были одаренными людьми. Гюнтер Борнхамм, Эрнест Касеманн и другие начали новый поиск исторического Иисуса и имели гораздо больше Нового Завета, чем он. Я имею в виду, о чем мы здесь говорим? Гораздо больше, чем вы.

Я имею в виду, что все это настолько искажено, но они это сделали. И я не знаю. Я не знаю.

Это было лучше, чем его бизнес, но боже мой. А затем мы рассмотрим более недавние, самые влиятельные. Барт был доминирующим теологом 20-го века, по крайней мере, большую его часть, но к концу его Вольфгард Панненберг и Юрген Бульцман, два немецких теолога, были очень влиятельны.

Мы рассмотрим их христологии. Они, конечно, лучше, чем у Бульцмана, и они ортодоксальны в некоторых отношениях, но не в других. Мы рассмотрим некоторых римско-католических мыслителей.

Ганс Кюнг, который сам себя, у меня нет правильной терминологии. Он больше не был официальным учителем католической доктрины в Тюбингене в Германии, из-за его несогласия с непогрешимостью Папы. Мы рассмотрим его христологию и христологию Карла Рейнера, блестящего экзистенциалистского римско-католического теолога, который имел большое влияние на Халкидоне, извините, на Ватикане II, втором Ватиканском соборе.

Мужик, это была оговорка по Фрейду, великий момент. Рейнер повлиял на II Ватиканский собор в середине 60-х, и все направление Католической церкви изменилось. Мы подумаем о его христологии в свете его учения о Троице, о том, что экономическая Троица является имманентной Троицей, онтологической Троицей, и его идее анонимного христианства, где католицизм теперь надеется на универсализм.

Это важные вопросы. Мы рассмотрим британского епископа Дж. А. Т. Робинсона, законного исследователя Нового Завета, который взорвал умы простых британцев своей книгой «Честный перед Богом», в которой он подвергал сомнению все виды вещей и отрицал все виды вещей. Мы лишь кратко рассмотрим христологию теолога процесса.

Питтенгер — единственный, кто на самом деле это написал, а затем мы закончим, если Бог позволит, презентацией, которая потрясла британское население и прихожан, мифом о воплощенном Боге. Известные профессора Кембриджа и Оксфорда говорят, что не верят в воплощение и т. д. За этим последовал в том же году писатель, историк и редактор ряда томов.

Я с трудом могу это понять. В том же году евангелисты написали книгу под названием «Истина воплощенного Бога». Первая книга произвела такой фурор и расстроила веру многих людей.

Вышла Истина воплощенного Бога. Это некоторые из вещей, которые мы начнем рассматривать в нашей следующей лекции, но пока что спасибо за внимание, и да благословит вас Бог.

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 6, Современная христология, Часть 1, Кант, Шлейермахер и Ритчль.